

Мир — 1997. — 9 авг. — с. 5

РИХТЕР — ИЗЛУЧЕНИЕ МУЗЫКИ

Полвека дружбы с великим мастером

Трудно найти человека, даже далекого от музыки, который бы не знал, кто такой Святослав Рихтер. Слава музыканта поистине всемирна. Конечно, есть артисты-исполнители, не менее знаменитые, чем он. Но Рихтер неповторим. Если попытаться в двух словах охарактеризовать то, что отличает его, я бы сказал так: духовная свобода. Об ином артисте говорят: он напряженно борется за утверждение своих идеалов. Рихтеру словно и не надо было этого делать. Он "просто" жил в искусстве, жил светло, щедро делясь этим светом с другими. Сила его личности такова, что мир вокруг него как бы сам с радостью подчинялся нравственным, художническим законам, "излучению" этой личности.

Теперь, когда его уже нет, хочется пристальнее взглянуть в дорогие черты. Сегодня о великом художнике вспоминает его коллега, профессор Московской консерватории пианист Лев Николаевич Наумов.

— Святослав Рихтер и Генрих Густавович Нейгауз (его и мой учитель) — вот два человека, два столпа, на правивших меня (и не только, наверное, меня) на моем человеческом, музыкантском пути.

Помню первую встречу со Святославом Теофиловичем; это было в 40-х годах. Я пришел к Генриху Густавовичу на занятие, но он куда-то торопился и сказал: Славочка, позанимайся с моим учеником... Я запомнил этот урок на всю жизнь. Мы играли быстрые прелюдии Баха. Рихтер нашел тогда замечательный образ для до-минорной прелюдии: пальцы работают, словно маленькие рычаги...

Бах был для него композитором, возвышавшимся над всеми другими. — Возможно, потому что Баху свойственно это поразительное сочетание простоты, человечности выражения и космичности мировосприятия?

— Возможно. Рихтеру тоже была присуща высокая философичность

отношения к жизни, основанная при том на почти детской непосредственности ее восприятия. Генрих Густавович очень точно сказал, что Рихтеру музыка видна как бы с высоты птичьего полета, откуда можно охватить взглядом и весь горизонт, и мельчайшую деталь пейзажа. Как он играл сюиты Баха! Меня поразило это КРУПНОЕ мышление, когда ВНУТРИ частей почти не было динамических, темповых градаций, но зато в контрастах МЕЖДУ частями замысел целого проступал абсолютно ясно. Или его исполнение Прелюдий и фуг из Хорошо темперированного клавира... Когда он играл их в ЦМШ, все голоса, все мелодические линии буквально дышали.

Его звук был удивительно значительным. Не обязательно громким. Когда, например, он аккомпанировал Нине Львовне Дорлиак (его жене, многолетнему партнеру по концертной деятельности), в его игре все равно чувствовалась эта львиная мощь, масштаб, но при звуностях таких, которые ни в коем случае не помешали бы певце. Так они исполнили на концертах буквально все лучшее из мировой вокальной музыки: "Зимний путь", "Прекрасную мельничиху" Шуберта, всего Грига, Дебюсси, Гуго Вольфа, совершенно

гениально — Мусоргского. Жаль, что очень мало из этого сохранилось в записях.

— Меня всегда поражали его руки — очень крупные, почти мужицкие...

— Скорее они напоминали руки скульптора. Покойный Станислав Генрихович Нейгауз рассказывал, что ужасно любил смотреть, когда Светик занимался, на его руки — какие они умные, "удобные".

И в то же время им, всему его большому телу, самому облику было присуще что-то мягкое, почти кошачье. И властное одновременно! Этим пальцам были доступны любые нюансы, им все давалось с потрясающей легкостью и естественностью.

С приходом Рихтера в музыку родились новые идеи в исполнительстве. Например, игра, внешне почти бесстрастная, но внутренне настолько наполненная смыслом, что производила впечатление более потрясающего, чем иное "выразительное" исполнение. Или наоборот, внезапные, ошеломляющие смены настроения где-нибудь у Дебюсси. Его исполнение Шестой сонаты Прокофьева по захватывающей силе трудно с чем-либо сравнить, он буквально ворвался с ним на рубеже 40-х годов в музыкальную жизнь. (Сергей

Сергеевич потом посвятил ему свою последнюю, Девятую сонату). Игра Рихтера производила впечатление не только звуковое, но и зрелищное — ведь я видел его жест, мимику...

Жаль, что он не очень любил сниматься... Он вообще как-то чуждался технической стороны цивилизации. Например, избегал самолетов...

— И большую часть своих путешествий, в том числе знаменитые гастрольные поездки 80-х годов по городам Сибири и Дальнего Востока (Рихтеру уже было около 70 лет!) совершил в собственном джипе... Тогда эти поездки изумили многих — играть по клубам, музыкальным школам Талды-Кургана, Прокопьевска, Ачинска... А ему, по его собственному признанию, было просто интересно побывать там, где он еще не был, пообщаться с публикой, с которой еще не общался.

— Да, он был открытый, общительный человек. Всегда хотел поделиться тем, что знает, умеет, с окружающими. Любил домашние встречи — например, устраивал вечера слушания для детей (у меня была дочка, у моего коллеги Якова Мильштейна — сын). Так мы, скажем, прослушали оперу Гумпердинка "Хензель и Гретьель". Он тщательно готовился к таким прослушиваниям: писал флор-мастером на больших листах ватманской бумаги содержание сцен, представлял их на специальную подставку, а сумку, наподобие почтовой, заранее наполнял пряниками, и дети их вытаскивали — ведь по сюжету там являлся пряничный домик...

Очень волнующим был период ожидания Рождества. За несколько дней до праздника Святослав Теофилович начинал вместе с домашними и друзьями слушать Рождественскую ораторию Баха. Это тоже делалось со свойственной ему тщательностью, методичностью. Рихтер считал, что в наше торопливое время утеряна культура длительного слушания, да и исполнения тоже: при

игре мы часто "проглатываем" повторы разделов, целых частей, а ведь они обозначены авторами... И вот каждую часть Оратории мы слушали отдельно, причем не один раз: был предусмотрен перерыв на чай — и снова музыка. Наталия Журавлева, дочь знаменитого чтеца Д.Н. Журавлева, его большого друга, читала текст соответствующих разделов Евангелия. Так, день за днем, мы "продвигались" все дальше, пока наконец в само Рождество не зажглась елка, и Оратория звучала целиком от начала до конца.

У Рихтера имелся громадный ди-апроектор какой-то необыкновенной мощности, позволявший передавать любое изображение на стену. Святослав Теофилович тщательно подбирал, изготавливал, окантовывал для него изображения — и проводил вечера памяти Г.Г. Нейгауза (у меня до сих пор сохранился сценарий этого вечера), польского композитора Шимановского, своих родителей, которых он обожал, демонстрировал музыку своего отца, бывшего талантливым композитором. Это было тем более интересно, что я, к сожалению, уже не застал "папу Тео", а вот моя жена Ирина Ивановна помнит этого доброго, мягкого человека, ведь она росла в Житомире, родном городе Святослава Теофиловича... От Ирины знаю, что эта тяга к устройству представлений, действа была свойственна Рихтеру с детства: он и ее вовлекал в какие-то празднества, шашаби на Лысой горе, как они называли близлежащий небольшой пригорок... Потом из этого увлечения родились знаменитые рихтеровские домашние костюмированные балы, в которых он (наверное, единственный в Москве 70-х годов) воскрешал традиции светских игр XIX века. И из этого же, из домашних "слушаний", возникли Декабрьские вечера в Пушкинском музее, ставшие одной из самых прочных традиций московской художественной жизни 80—90-х годов...

— Одно время о Рихтере стало модно говорить как об обиженном режиме, чуть ли не диссиденте. Например, когда умира-

ла его жившая после войны в Германии мать, а его к ней не выпускали...

— Он не был диссидентом, хотя бы потому, что ненавидел политику. У Рихтера не было оснований испытывать особые симпатии к тогдашней власти. Но он жил другими интересами. Помню, с каким восторгом он рассказывал, что купил на свои зарубежные гонорары автобус, чтобы возить друзей. А ведь у него забирали 90 процентов тех сумм, что платили ему импресарио. Представляете, сколько на нем заработало наше государство... Ему на самом деле в жизни было нужно очень многое: возможность заниматься, концертировать. Он, наверное, и умер потому, что не смог уже играть. Врачи не разрешали подходить к инструменту. Медицинскими соображениями объясняется и скитальческий образ жизни, который он вел в последние годы: ему требовался теплый климат. А его постоянно тянуло домой. Еще на Пасху он сюда рвался, но помните, какие в Москве стояли холода...

И вот нынешним летом он вдруг вновь начал заниматься, причем помню! Мне рассказал Владимир Виардо, дававший мастер-классы в Париже, в центре "Ямаха", что над ним кто-то стал разучивать неоконченную сонату Шуберта. Оказалось, это Рихтер! Он собирался играть ее на Тарусском летнем фестивале (который он тоже придумал и много лет осуществлял художественное руководство им). 5 июля Святослав Теофилович, после 3 лет отсутствия, приехал в Россию. Он надеялся, что это волеет в него новые силы. Но сердце было слишком изношено.

Его уход, как и уход Г.Г. Нейгауза, — конец целой эпохи. Хотя в России рождались и, я уверен, будут рождаться новые таланты, но такой личности мы больше не увидим. Страшная потеря. Сегодня о нем невысказанно трудно, да и всегда будет трудно говорить в прошедшем времени.

Записал беседу
Сергей БИРЮКОВ.